Валентина ЕРОФЕЕВА

Химера критики

Открытое письмо г-же Сафроновой

Я человек крайне занятой, поэтому, признаюсь, почти не являюсь читателем ни других сайтов, ни других печатных бумажных изданий.

Хватает работы с теми двумястами (в среднем) письмами, которые я получаю ежемесячно по редакционной электронной почте. Это творческие работы драгоценных наших авторов. По этой причине о публикации статьи некой г-жи Сафроновой в некоем далёко-дальнем географически журнале я узнала буквально на днях.

Ну мало ли что о нас пишут, подумала я. Пишут и пишут: собака лает – ветер относит. Но всё же раскопала в интернете громкое название «Химеры патриотизма». Прочла.

Первое ощущение – жалость. Бедное поколение-пепси! Это ведь наши дети. И мы виноваты в том, что их было в семье, максимум, по полтора ребёнка, залюбленных, запестованных. Государство эпохи слома и дичайшего капитализма, в которое они попали фактом своего рождения, «наградило» их противоположными «достоинствами»: острыми зубками и коготками, чтобы пробиваться по жизни. Ум, у нормального человека должный гармонировать с душой, у них переродился в ум доминирующий над нею, подмявший её под себя, придавивший, придушивший её.

Мы не справились с их воспитанием. В массе – не справились. Есть благие исключения. И за ними будущее – я оптимист. Исключения, которые сохранили гармонию ума и души, обогащённую опытом предыдущих поколений.

К сожалению, г-жа Сафронова к ним не принадлежит. Крошечные примеры собственного наблюдения над ней просто как юной девушкой меня, честно признаться, трижды выбивали из колеи. Я страдальчески улыбалась (внутренне) увиденному, а в душу проникал холод неприятия и недоумённого отторжения: зачем она здесь, где тепло *дома*, тепло *души*, тепло *поисков*, тепло *дружеских перепалок и несогласий* и одновременно *радости находок и творческих открытий*? Зачем она здесь?!

Ей уютнее и комфортнее будет в иных ипостасях – среди своих. Там, где нет «химер», преследующих её уже несколько лет, как она призналась в этой дальне-географической статье.

Г-жа Сафронова, поверьте, у вас есть один благой выход их этого тупика с «химерами патриотизма» – удалиться от них туда, куда даже запах их не будет проникать. В параллельные и перпендикулярные союзы писательские, где вас поддержат, поднимут на должную высоту гения критики. Наградят весомыми литнаградами, издадут книги ваших критических «раздумий за жизнь».

Избавьтесь от «химер», напишите заявление о выходе из того Союза, который их плодит, по вашей версии. И будет вам слава, почёт и… деньги. Ведь в отличие от Союза «химер», выжившего в эпоху распада, к тому же не только выжившего, но и сохранившего *«традиции классической русской литературы»* – как вы сами вынуждены признать, – там, где вас радостно заберут с руками и ногами, ещё и премии посыплются круто денежные.

Поверьте, эта ваша статья – уже красная дорожка вверх к пьедесталу почёта среди тех, кто *«традиции классической русской литературы»* давно уже обхихикал и распял.

Железным, жёстким принципом сайта «Дня литературы» является ответственность редакции за те материалы, которые она публикует. Ответственность за *информационную безопасность* авторов, доверивших ей своё творчество. Поэтому слив грязи на публикуемое пресекался, пресекается и будет пресекаться на корню. Здравая критика, доброжелательные замечания – приветствуются. В пустых перепалках и пустопорожних вопросах по поводу публикуемого ни мы, ни наши авторы не нуждаются. Нам нужно *качество* публикуемого, а не *количество* читающих нас и наш сайт. Мы позиционируем себя как сайт профессионалов. Мы – не литературный ликбез, в котором приемлемо задать вопрос: «А чо хотел автор этим сказать?», «А в чём проблематика рассказа?».

У нас в Союзе есть прекрасное умное молодёжное отделение – все вопросы такого типа должны быть адресованы ему. Ликбез проходится в нём. Ликбез вневозрастной: человек за пятьдесят, может быть, впервые радостно захочет постичь литературные азы – так ему лучше именно туда обратиться с наболевшими вопросами. Либо к г-же Сафроновой. Она – всё обо всём и обо всех знает…

Простите уж, но вот такие у нас жёсткие правила. Мы – сайт профессионалов. И вовсе не обязаны удовлетворять вкусам тех, кому мы чужды. Не *нравится* – гуляй к другой завалинке, к другой скамейке.

Г-жа Сафронова, а до понимания поэтического таланта наших авторов, склоняемых в вашем «исследовании» по всем падежам, вам ещё дотянуться нужно. Озвучим их небезызвестные в русской поэзии имена, поддержим вашу «рекламу»: Николай Беседин, Светлана Леонтьева, Григорий Блехман, Борис Орлов, Наталья Радостева, Василий Попов, Алексей Полубота, Леонид Петухов, Валерий Сухов, Елена Иванова-Брянская…

И не смейте обвинять наших авторов в том, что они «химеры патриотизма»!

Единственное, что мною частично приемлемо в вашем «исследовании», г-жа Сафронова, – это неприятие тона некоторых комментариев. Они слишком домашние, эмоциональные, дружески приемлющие всё, что проистекает из уст данного любимого комментатором автора. Да, тут я соглашусь с вами: может быть, не стоит устраивать столь любвеобильный приём многим публикациям. Кстати, я на своём сайте максимально избавляюсь от них – и может быть, это нехорошо. Объясню, почему нехорошо. Электронная версия сайтового общения резко отличается от бумажной. Вам, возможно, это не приходило в голову. В бумажной версии журнала, к примеру, ты как комментатор никак не можешь при прочтении ни обнять, ни выругать автора. На сайте же эмоции творческих (и нетворческих) людей могут принять свой естественный накал. Г-жу Сафронову тошнит от этого накала эмоций, поскольку ум доминирует над душой, давит её. Но – это специфика жанра, г-жа Сафронова. И, извините уж пожалуйста, но это *писательские* сайты. Для читателей существуют бумажные версии, чистые от эмоций комментаторов. Усвойте это на будущее. А читатель, вхожий на эти сайты, поймёт и простит эмоции комментаторов, поскольку он ходит туда не за ними, а за *плодами творчества*. Он не будет внедряться в них, в эти эмоции – видя в них добрую или сердитую *домашность*, – а сосредоточится на содержании.

И последний совет. Вы, конечно же, вне веры существуете, г-жа Сафронова. Но есть в Библии некое место, касающееся вас, в данном случае, непосредственно. Это об отце и трёх его сыновьях, одного из которых звали Хамом. Прочтите его, пожалуйста.

(Начало – стр. 1)

Постскриптум

«Свободное» общество и сакральное искусство

Тут бы уж сразу хорошо пустить фейерверк таких «существительных» и «глаголов» из Вадима Месяца, Тимура Кибирова, Ксении Букши, когда герои не ругаются этими «глаголами», а просто и иногда даже счастливо «разговаривают» ими.

Но что позволено Юпитеру прозы, увы, не позволено Быку критики, хотя бы этот Бык был тем же переодетым Юпитером. А право, было бы хорошо без церемоний сказать о сочинителях, как они о героях, да вот жаль – это было бы уже совершенным окончанием даже не «высокого стиля», а вообще литературы. Эх, ну и ладно. Нельзя так нельзя. Тем более я ведь и хотел поговорить об общих тенденциях, которые увиделись при чтении длинного списка «Ясной Поляны», да вот сразу и не удержался. Простите.

А тенденции, и правда, определяются всё отчетливее. О некоторых я уже говорил, пока разведывательно в прошлых статьях, и теперь уже с уверенностью скажу, что в прозе всё чаще побеждает «цифра» и «селфи», как у нарочно поминаемого мною чаще других Вадима Месяца, который делает это «селфи» с одинаковым блеском на фоне родного «Е-бурга» и Америки и даже на фоне «дяди Джо» – Иосифа Бродского. («Я могу забыть что угодно. Забыл детство, родину, призвание (хватит, пописали Родину с большой буквы – *В.К.*). Могу декларировать любую чушь, сложив пальцы крестиком. От моей болтовниничего не изменится. «Все равно она вертится»). При такой «забывчивости» легко посмеиваться в лицо «высокому стилю»: «Мне было легче, чем Бродскому. За место в литературе я не волновался. Литературу в её нынешнем виде не принимал всерьез. Я вообще мало что принимал всерьез, благодаря чему неплохо сохранился на шестом десятке».

А в пару ему, прямо след-в-след, хорошо бы поставить Алесю Петрову-Казанцеву («Режиссер сказал: одевайся теплее, тут холодно»), чтобы прямо с названия окунуться в веселую, вполне фейсбучную отвязную болтовню без умолку о себе в купальнике и без. И какая была бы сразу от обоих поддержка еще и Арине Обух с её такой же счастливой студенческой болтовнёй о родном вузе («Муха имени Штиглица»). А там, глядишь, к ним подсел бы Шамиль Идиатулин («Бывшая Ленина»), чтобы пока «серверы висят», и пока «на улице некузяво», а из динамиков «тянется реликтовый медляк», пить с Алесей и Ариной «пивасик под футбик», раз всё равно тянется информационный век и недвижное «время ватсапов и телеграмм-каналов и все всё знают». Тут и читатель должен быть с «пивасиком под футбик», чтобы уж вместе так вместе.

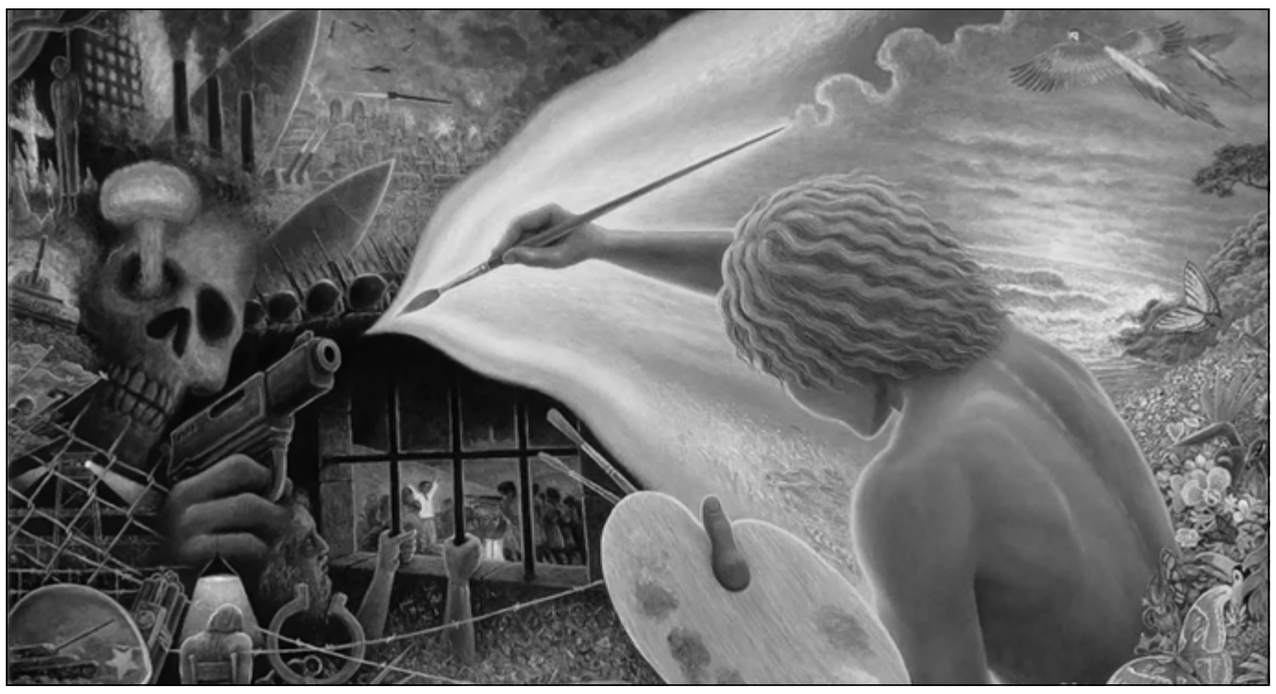
Не придерешься ни к автору, ни к героям – что поделаешь? – время «такое». А я вдруг заметил про себя (слава Богу, живу долго – было время «заметить»), что в России давно время «такое», что на него чего хочешь можно валить. Только чтобы не сознаться, что это *мы сами делаем это время «таким»*. Не зря Идиатулин зовет жанр своей книги «актуальным романом» – явилось в героях нынешнее компьютерное человечество, как основное население страны. И не зря героиня романа – мусорная свалка, как портрет страны переполненных мусорных баков, идей, чиновничьих забав, гибели над обрывом. Знание материала автором совершенно, материал по-собачьи послушен ему – отчего особенно больно. А как отворотится автор от чиновничества, у которого, когда надо за что-то отвечать, «серверы виснут» и «картриджи лысеют», и просто повернется к живым бабам и детям, так явятся в прозе чудо и чудо. Каждого обнимет душой и живет, как дома, – не оторваться.

Жаль только, что «такое время» то там, то тут торопится напомнить о себе, чтобы, сохрани Бог, не позволить автору впасть в доброе старое реалистическое письмо.

В сущности, если и каждую книгу прочитать терпеливо и бережно (да только где набраться терпения, равно критику и читателю, когда обе стороны с утра «в контакте» или «фейсбуке»?), с радостным и пугающим изумлением почувствуешь, что в каждом авторе будто два человека теснятся, два автора: один умный и иронический бежит за реальностью дня и умеет ловко раскусить своих головастых героев и посмеяться над ними, а другой всё немного отстаёт и тоскует по человеческой простоте и долгой живой дали «высокого стиля». Только побеждает всё чаще первый – из «соцсетей» и «контактов». Будто автор ни на минуту не забывает осмотреться, как он выглядит перед читателем – не «подставился» ли где, достаточно ли ироничен и умён, словно книжка еще пишется, а уж автор думает – на какую бы Премию её представить и кто будет в жюри читать её, и немножко для этого тонкого жюри её сразу и пишет: «Оцените, ребята, тонкость стиля, профессиональное чутье, тайные рифмы судеб».

Вот нарочно три-четыре примера. Тимур Кибиров оставил поэзию, чтобы, наконец, выговориться «по полной» и о самой поэзии, и о родной истории, мысли, литературе. И поиграть, поиграть: «Хорошая фамилия для развратного фашиста – Мессалини, Крымско-татарский красавчик – Дориан Гирей. Украинский композитор – Вагнерюк. Белорусский драматург – Бомаршевич. Поэт электронной веры – Чатский или Майк Рософтский» (ведь и правда, чудно, смешно и стыдно утаить эту игру слов, потому что она уже не одному тебе принадлежит). И всё сочинение («Генерал и его семья») вышло счастливо свободным, ироническим с единственным, кажется, по-настоящему положительным героем – этим самым генералом, который, однако, в конце извержен из жизни «свободными людьми», ищущими кто Израиля, кто просто права быть отвязанными. Ненависть к Софье Власьевне (кто постарше помнит, что мы так звали на кухнях «советскую власть») пересиливает всякую объективность, хотя автор старается нарочито не марать её, уверенный, что она сама себя подставит. Ну, и герои соответственные, «потерпевшие от Софьи Власьевны» – Дмитрий Пригов, Сергей Гандлевский, Александр Невзоров – все свои, со своими судьбами, чтобы было убедительнее – исповедь же (и о себе с иронией «Я глубоко поверхностный человек»). Только генерал, кажется, выдуман, соткан из лучшего в том времени, чтобы было с чем бороться.

А вышло все-таки при всей внешней исповедности кокетливо, чуть на публику, но и вместе невольно чуть печально, как на глазах ускользнувшая, по его разумению «украденная у него жизнь», а по мне так просто пропущенная самим героем за идейной беготней и за жалостью к себе. И на последних страницах будущее не отчетливее, потому что они сопротивлялись «Софье Власьевне», не думая, что поставить на её место, и вот оказались в пустыне.



Вышел портрет времени в зазоре, в прочерке, в нежилой паузе. Им и в голову не приходило, что они просто сопротивляются самому феномену государства, как удерживающей силе, такими же невольниками которой были цари, Ленин, Сталин, Горбачев с Ельциным и нынешнее руководство. Оказалось, что достигнутая «свобода» только подчеркнула неизбежную закономерность связанности, которую надобно добровольно принять и управить в душе, чтобы государство было не помехой и гнетом, а формой разумного удержания нравственных границ жизни. Да только кто об этом будет думать, пока силы играют и хочется «по своей воле пожить». Ну вот и живём сейчас, никто над нами не властен, а счастье еще дальше, чем прежде. Книжка вышла «дневниковая», немного розановская, пестрая и глядит ворохом мыслей, не связанных строгим сюжетом. «Выговорился» – авось хоть от этого станет полегче.

А Алексей Макушинский в своем «Предместье мысли» пустился в преследование близкой нашему дню по духовному напряжению излому русской домашней и эмигрантской мысли, кипевшей в России перед революцией и тотчас после неё. Отправился на поиск истины на религиозно-философских путях рушащегося мира. Тоже хоть сразу после Кибирова печатай, прямо с запятой, не найдешь щели – те же поиски свободы, вглядывание в пошатнувшееся православие, ненависть к Союзу, задыхающаяся цитатность, и при всей иронии горькая усталость от повторительной бессмысленности мира. Тут хоть всё выписывай. Читатель может при нынешних тиражах не найти книгу, поэтому я и сделаю несколько обширных выписок, потому что мысль-то касается всех нас:

«…только не смей всерьез задумываться о мире и Боге, а если вдруг задумаешься, то главное не говори никому. Это позиция ироническая, потому выигрышная (ироническая позиция всегда выигрышная); рядом с ней всё кажется наивным, следовательно, смешным (прямо правило для молодой литературы: учитесь, ребята, и всегда будете в выигрыше – *В.К.*). Ну куда вы со своим смыслом, своей бессмысленностью, своей истиной (или, не приведи, Господь, Истиной…); вы что, еще не проснулись? Вы проснитесь и повзрослейте, посмотрите вокруг себя: уже давным-давно никто не говорит ни о какой истине, но все говорят о денотатах и коннотатах; а что до ваших страданий, ваших криков отчаяния, то это не к нам, это к психоаналитику, соседняя дверь».

Страница за страницей – мысль кружится и делается всё горше: «Философические утешения оскорбительны, религиозные утешения оскорбительны еще более. Ни одна теодицея не работает. Смысл истории? Смысл замерз под Магаданом, задохнулся в Освенциме… Всё это пустая пошлая болтовня: Бог-де зла не хочет, страдания тоже не хочет, он только, видите ли, допускает их, чтобы не ограничивать нашу свободу (свободу строить газовые печи). Это писали, увы, и Бердяев, и Маритен. Бог, писал Бердяев, «терпит зло, не уничтожает его насильственно, а лишь пользуется злом для целей добра».

Как же, как же. Расскажите это Варламу Шаламову…».

А «вывод» и вовсе горек – уже не просто «высокий стиль», а сама сакральная культура необратимо угасает. И остается с горечью признать, что «искусство в своей вопиющей ненужности, бесстыдной бесцельности – вечная противоположность всякой идеологии (религиозной, революционной)… Там, где начинается одно, другое заканчивается. Музы не уживаются ни со Святой Троицей, ни со Священным террором. Эвхаристия не уживается с Эвтерпой. Мадонна и Мельпомена никогда не смогут договориться… Вольное искусство, не служащее никому, означает конец сакральной культуры».

Отчего и самому Макушинскому приходится, холодновато простившись со своими товарищами по «философической прогулке», как он определяет жанр своей книги, оставлять философию и религию для «бесцельного» искусства.

Да и то – начни всерьез говорить о нынешней реальности, не защищаясь иронией, только закричишь, как Канта Ибрагимов в своем горьком романе «Стигал», герой которого пишет в дневнике: «…я считаю: весь мир, точнее, наша страна, возвращается в лоно крепостничества, и даже не осовеченное крепостничество, а в еще более ужасное – рыночное крепостничество, когда главное в жизни – это деньги и только деньги… Нет боли и сострадания, нет мысли о завтрашнем дне». Немудрено, что на вопрос, где он хотел бы жить: в «СССР или современной России» герой говорит, что еще вчера отдал бы предпочтение современной России, «а сегодня, когда уже столько лет как нет СССР, я скажу – не хотел бы жить ни там, ни там… И, как ни странно, когда я общаюсь со своими ровесниками, то они постоянно с ностальгией вспоминают прошлое…».

Эта нота при неприязни к «Софье Власьевне» слышна и в «дневнике» Кибирова, да, кажется, и у большинства авторов, будто писали два автора из двух разных возрастов – с иронией один и с печалью – другой. Евгений Чижов вон и весь свой роман назвал «Собиратель рая» и там ностальгия пронизывает каждую страницу и оказывается тем драматичнее, что это ностальгия по раю, которого не было, и герой, «Король блошиного рынка», забивает свой дом прошедшим и, как его несчастная матушка с болезнью Альцгеймера, давно живущая в прошедшем и каждый день теряющаяся в нём, тащит в уже задыхающуюся квартиру всё новое прошедшее, словно и сам медленно теряет память и исчезает из стоящего на дворе времени и самой жизни, пока и читатель не почувствует, что тоже необратимо теряет память. За дневник ухватывается и Михаил Попов («Лопухи и лебеда. Современные записки») и уже не «переодевается» в героя, а так и валит сам, что думает, и не стесняется, что порой мелковат, приоткрывает нам «кухню» своей мысли и стиля, а нам уж «в гостиную» хочется, чтобы побольше увидеть и порасширить горизонт авторской повседневности. Ан нет, всё ограничивается днём, время перестало быть длительным, и умнее всех тот, кто реагирует на реальность и слово сию минуту, пока они «не испортились».

День и правда теперь так сократился, что его только на «цифру» и хватает, а дневник – это ведь и есть «цифра» и «селфи», фотография дня без обобщения и дали. К тому же реальность стала так ненадежна и эфемерна, что поневоле хочется «подтвердить, ощупать себя» – сам-то реален ли… Утешаешься тем, что, теряя глубину, книги становятся умнее и информативнее – нет-нет подвигай к себе ГУГЛ или Яндекс и выглядывай в Википедии – о ком это и что за явление? А уж техника письма и вовсе явлена во всем блеске. Литература уже не скрывает, что она литература, ведь разговаривает со своими и о своём. Будто при чтении автор тебе через плечо заглядывает: ну, понял? И как я тебе? И это даже не от щегольства, а просто литература вошла в ряд человеческих дел и она уже не просто зеркало времени, а и сама не последнее дело. Да ведь и читатель сам давно писатель – сядет в свои «сети» за комментарии и только держись!

А захочешь «старой», настоящей, не литературной жизни, так тебе явятся такие книги и герои, то уж и не рад будешь, как при чтении «Политического животного» Александра Христофорова, чьих героев действительно кроме как «животными» и не назовешь – такую хватку при контроле бизнеса и власти они являют, что слово «человек» само на язык не попросится. А «Немой набат» Анатолия Салуцкого и вовсе страшно читать. Подлинно «набат» о том, как новые элиты уже сейчас готовят «транзит власти» к 2024 году» в пределах Садового кольца, чтобы отсечь коренную Россию и успеть разобрать портфели будущей постпутинской администрации. Но набат подлинно немой – никто не хочет слышать: а-а, опять политика… Ну-ну, отворачивайся, только не сетуй потом, что «время такое».

Так домашешься рукой, что кончишь заложником «Московской стены», как назвали свой роман Петр и Ольга Власовы. Я вон смущался, что у нас теперь через книгу «хорроры», и «фэнтези», а тут вот они даже сошлись в одном романе – и хоррор, и фэнтези. Сначала Россия погибла от разобщения и обжорства, распалась на именующие себя суверенными государствами банды, а потом вмешалась Европа, чтобы спасти «свои» газ и нефть и, захватив под своё командование Москву и отрезав её непереходимой стеной от остальной России, основать иллюзорную Сибирскую республику, чтобы она и добывала потом эти необходимые Европе газ и нефть без хлопот о национальной идентификации.

Конечно, нашлись ребята, верящие в Россию и начавшие борьбу за её исцеление, прошли под землею в Кремль, где уже сидели интервенты, и повязали их, да уж что они могли, когда при падении Стены стали искать своей доли «республики» в Нижнем Новгороде, Юрьеве-Польском, а там еще и просто банды и разгулявшаяся смерть. Так что где уж в этой свалке найти идею для того, чтобы человек стал достоин замысла Бога о нем?

И книжка бьется в поисках объединительной мысли и становится так страшно плотна и безжалостна к читателю, что скоро отошлешь её к мысли Макушинского, что смысл истории замерз в Магадане и сгорел в печах Освенцима и сделанное нами со своей историей необратимо. Но книжка не сдастся Макушинскому и все будет оставаться книгой-мыслью, книгой-метанием, почти без плоти, хотя и тут есть и любовь, и надежда, но всё подавляет мысль, так что книжка, как писалась девять лет, так и для чтения требует такого же напряжения и такой дали. Нет, надо остановиться – всех книг, представленных на «Ясную поляну», не перечислишь.

И по избранным работам видно, что зеркало как зеркало. Хочешь не хочешь – отражайся. А уж сетовать или приветствовать – это дело личное. Тут теперь никто никому не указ. Критику как институт можно отсылать в архив вместе с её матушкой национальной идеей. Когда умирают сакральное искусство и «высокий стиль», остаётся «постскриптум» – после написанного.

Валентин КУРБАТОВ

Псков

Вадим ТЕРЁХИН

Великое стояние

«540-летие Стояния на Угре. История. Литература. Вера»

В Калужской области под руководством Митрополита Калужского и Боровского, Председателя Издательского Совета РПЦ Климента, а также при участии метрополии и Союза писателей России состоялась конференция «540-летие Стояния на Угре. История. Литература. Вера».

Первый день конференции прошел в Калужской Епархии, а на второй участники после службы в мужском монастыре Успения Пресвятой Богородицы Калужской Свято-Тихоновой Пустыни собрались на Владимирском скиту в музее-диораме, созданной замечательным русским художником калужанином Павлом Рыженко.

По окончании официальной части гости посетили монастырский скит Живоносного Источника, где их встретил наместник монастыря о. Тихон. Гости посетили храм в честь иконы Божией Матери "Живоносный Источник", окунулись в нём и обсудили за чашкой чая в тихой неторопливой беседе вопросы, волнующие человечество.

Именно на Калужской земле, на берегах Угры, осенью 1480 года произошло одно из самых важных событий отечественной истории – родилась та Россия, в которой мы живём.

Стояние на реке Угре положило конец татаро-монгольскому игу и заложило основы российской государственности.

С того момента как хан Ахмат увел свои последние войска с берегов Угры, Русская держава более никогда не теряла своей независимости, даже в Смутное время.

Спустя полвека создатель Казанского летописца писал: «И тогда великая наша Русская земля освободилась от ярма и гнета басурманского и начала обновляться, подобно тому, как зима переходит в тихую весну. И обрела она снова прежнее свое величие и благочестие и богатство… И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, …как Третий Новый Великий Рим».

О значении Великого стояния на Угре Н.М. Карамзин писал в своем труде «История государства Российского»: «Это есть великая эпоха, торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой или Золотой Орды».

Большая заслуга в этом Ивана III, который навсегда покончил с татаро-монгольским игом, не допустив напрасного кровопролития и из лоскутного одеяла раздробленной Руси создал единое Московское государство.

Он был великим стратегом, дипломатом, законодателем, но прежде всего – строителем нового Русского государства. Опорой ему служила вся Русская земля, и он первым осознал ее не собранием княжеских уделов, а единым государством, связанным исконной исторической традицией.

Иван III еще при жизни удостоенный титула Великий стал первым русским самодержцем и государем всея Руси. Именно Иван III, а не Иван Грозный, как нередко считается, заложил фундамент единого Российского государства. В период его правления формируется новый аппарат власти, определяются функции централизованного государства. Его фигура заслуживает особого уважения со стороны потомков.

Обновленная, возрожденная великая Россия, держава – главный итог многолетнего правления первого государя всея Руси.

Нашему поколению выпала честь смыть патину времени с тех великих исторических событий, вернуть незаслуженно забытые имена в нашу повседневность памятниками, такими как открывшийся в Калуге памятник Ивану III, научными трудами, новыми названиями улиц и яркими праздниками.

Пусть будет больше напоминаний о тех событиях, которые повлияли на историю нашей страны.

Оценка Стояния не может быть полной без учета духовной составляющей произошедшего на берегах Угры.

Верным ориентиром здесь является народная память, в которой отложилось не сражение на Угре, а именно стояние.

События на Угре происходили ровно через сто лет после Мамаева побоища – знаменитой битвы на Куликовом поле. Исторические источники позволяют судить о том, что в создавшейся обстановке важно было устоять, утвердиться духовно. Именно духовное осмысление произошедшего в 1480 году преобладает в летописных сводах XVI века – «Угорщине».

Буквально сразу же, зимой 1480/81 года, был установлен новый церковный праздник в память спасения Москвы от нашествия Ахмата – 23 июня (6 июля), день второго Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Да и саму реку Угру, разделившую ордынскую рать и московские полки, а по большому счету ставшую некоторой чертой в российской истории уже в те давние времена, один из летописцев сравнил с Поясом Пречистой Богородицы, с той самой великой и древней святыней, спасающей христиан от нашествия поганых

А это значит, что день 11 ноября 1480 года – это историческая дата обретения Русским государством политической независимости.

В изучении Великого стояния на реке Угре – Угорщины – сделано немало. Вместе с тем некоторые его стороны остаются недостаточно исследованными, либо дискуссионными в плане их освещения и оценки.

Время показывает: основные битвы выигрывали не только те, у кого самые сильные мышцы, или не только те, у кого самое сильное вооружение, но те, кто был способен духовно выдержать испытания.

Значение Великому стоянию на Угре в историческом масштабе придают современные события, когда предпринимаются попытки переписать историю нашей страны. Но в любые сложные периоды времени, обращаясь к своим истокам, наш народ всегда побеждал. Нелишне напомнить об этом. Это важно с исторической точки зрения для воспитательного процесса в масштабах страны в целом. Воспитание патриотизма не на словах, а на реальных исторических примерах – вот что особенно актуально в нынешнее время.